

ТЕМА НОМЕРА

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода)

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

For citation: Belyaeva L. A. Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

Беляева Людмила Александровна

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bel46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [614677](#)

Аннотация. Предлагаемая статья продолжает серию работ, посвящённых формированию структуры российского социума¹. При оценке изменений в структурации российского общества за длительный период – с середины XIX в. по настоящее время, чему посвящён указанный цикл статей, нужно обратить внимание, что самые кардинальные и во многом катастрофические изменения произошли в результате двух эпохальных событий – большевистского переворота 1917 г. и распада Советского Союза с переходом к рыночной экономике в 1990-е гг. Оба эти события нарушили эволюционное развитие российского общества, вызвали социальные сдвиги, кардинально изменившие структурацию общества, которые невозможно оценить однозначно. Под влиянием этих событий коренным образом преобразовался социальный состав жителей страны, их жизненные миры, отношения между социальными группами и слоями, взаимодействие с новыми, созданными в процессе общественных переломов, элитами. В данной статье, затрагивающей процессы 20–30 гг. XX в., автор вновь опирается на методологию Э. Гидденса, предложившего использовать теорию структурации для анализа социальных отношений в пространстве и времени. Процессы структурации рассмотрены через призму исследований, которые проводились «по горячим следам» в тот период. Учитывая имевшиеся тогда идеологические ограничения, тем не менее можно проследить, как научные работы и статистические исследования тех лет отражали социальные процессы, в том числе в структурации общества. В статье использованы работы П. А. Сорокина, А. Г. Рашина, Л. Е. Минца,

¹ Первую статью цикла см.: [Беляева 2020].

А. И. Хрящевой, С. Н. Прокоповича, других исследователей и материалы переписей населения 1897, 1926 и 1937 гг. Статья ограничивается периодом с начала до 20–30 гг. прошлого столетия и теми исследованиями, которые были проведены в этот период. Показано, что ускоренная индустриализация нанесла сокрушительный удар по социальной ткани традиционного общества и изменила его структуру.

Ключевые слова: социология, структуризация, социальная и профессиональная структура, переписи населения 1926 и 1939 гг., рабочий класс, крестьянство

От сословий к классам: процессы структуризации населения Советского Союза и России в зеркале статистики и социальных исследований

При анализе процессов структуризации общества важное значение имеет утверждение Гидденса: «Онтология пространства-времени – неотъемлемый образующий элемент социальных практик – составляет основу концепции структуризации, которая *начинается* с временности, а, следовательно, в каком-то смысле с «истории» [Гидденс 2005: 41]. Следуя этому методологическому принципу, в данной статье я рассмотрела основные вехи изменений состава населения в переломный период отечественной истории. Первое, наиболее полное представление о социальном составе населения послереволюционной России получены в результате Всесоюзной переписи населения 1926 г. После переворота 1917 г. в России были официально упразднены сословия, и население уже учитывалось по иным – классовым, отраслевым, производственным, поселенческим – признакам. Как это отразилось в результатах переписи, можно представить, если сравнить её с материалами первой и самой полной дореволюционной Всероссийской переписи населения 1897 г., которая учитывала сословную структуру общества и состав населения по занятиям. Она включала в себя следующие сословия (с семьями): 99,8 млн (81%) составляли крестьяне; 13,4 млн (10,7%) — мещане; 1,7 млн (1,5%) — потомственные и личные дворяне; 624 тыс. (0,5%) — купцы и почётные граждане; 589 тыс. (около 0,5%) — духовенство; около 10 млн (8%) — «прочие» («инородцы»; деклассированные элементы; лица, не указавшие своей сословной принадлежности).

По своим занятиям население разделялось на сельскохозяйственное — 97 млн (77,3%), торгово-промышленное — 21,7 млн (17,2%) и «непроизводительное» — 6,9 млн (5,5%)¹.

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Табл. VIII. Распределение населения по сословиям и состояниям.

В. И. Ульянов (Ленин) на материалах этой переписи провёл приблизительный подсчёт классового состава населения империи. Из 125,6 млн. жителей к крупной буржуазии, помещикам, высшим чинам и прочим им были отнесены около трёх миллионов человек, к зажиточным мелким хозяевам – 23,1 млн, беднейшие мелкие хозяева составили 35,8 млн, пролетарии и полупролетарии 63,7 млн [Ленин 1971].

Анализ и группировку городского населения по материалам переписи 1897 г. с учётом групп занятий осуществил А. Г. Рашин. Наиболее значительной группой были работающие в промышленности – 30,9%, торговле – 17%; занятые «частной службой, прислуга, подёнщики» составляли 14,5%; в сельском хозяйстве были заняты 9,4% городского населения (в основном это жители малых и средних городов) [Рашин 1930]. Учёт сословного характера российского общества был предопределён в опросном листе, где каждый опрашиваемый должен был назвать своё «состояние» или сословие. Перепись была проведена на очень высоком уровне и дала полное представление о населении в разрезе всех губерний и уездов России, особенно подробно были представлены данные о населении в европейской части страны. Данные переписи были опубликованы в 89 томах (119 книгах) под общим заглавием «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года».

Вторая, на этот раз Всесоюзная перепись населения была проведена в период НЭПа в 1926 г. и смогла дать достоверные данные о фактическом составе населения по занятиям, в том числе о предпринимателях, возродившихся в период НЭПа. Её результаты были проанализированы и опубликованы в 56 томах. Переписные листы содержали следующие вопросы: главное и побочное занятия, положение в занятии (предполагались ответы «хозяин», «наёмный рабочий», «служащий», «рантье», «безработный», «лицо свободной профессии», «деклассированный» и т. д.); для безработных – продолжительность безработицы и прежнее занятие, источник средств существования. В результате анализа данных было показано, что из 147 млн. населения Советского Союза 82,7 млн., или 56%, были заняты в отраслях производства, 1 млн. были безработными; 2,5 млн. относились к пенсионерам, учащимся, стипендиатам, военнослужащим, лицам свободных профессий и прочим; 60,8 млн. в составе населения были иждивенцами. Можно предполагать, что в составе иждивенцев было довольно много лиц трудоспособного возраста, которые не относились к безработным, но тем не менее не имели работы. Как и до революции, численность занятых в сельском хозяйстве по переписи 1926 г., была самой большой – 71,1 млн человек, или 81,1% занятых в экономике; 18,9% приходилось на все остальные отрасли. При этом наёмный труд в сельском хозяйстве был распространён очень слабо, в основном работы выполняла семья крестьянина, лишь эпизодически (в период страды) нанимая работников. Напротив, среди несельскохозяйственного активного населения 76,4% были наёмными работниками;

23,6% работали самостоятельно – были хозяевами своего дела, членами артелей, одиночками, помогающими членами семьи, и лицами свободных профессий¹.

К моменту проведения переписи страна пережила революцию, гражданскую войну, военный коммунизм, заложивший идеологию огосударствления всех сфер общества под руководством партийной номенклатуры. В России была осуществлена попытка провести модернизацию отличным от западного образца способом – сделать ускоренный рывок к модернизированному обществу в стране, которая не была к тому объективно готова. Для этого руководством страны использовались жестокие методы внеэкономического принуждения. Они основывались на непомерной бюрократизации управления (в двух столицах 40% работоспособного населения было сосредоточено в госконторах); на ликвидации корректирующей и стимулирующей роли рынка; тотальном ущемлении интереса производителей и потребителей [Ильин и др. 1996]. Действия правящей верхушки никак не соответствовали тем идеям и социальным технологиям, которые разрабатывались российскими мыслителями, ответственно думающими о будущем России [Новикова, Сиземская 2000]. В послереволюционной стране в условиях «военного коммунизма» осуществлялось авторитарное давление в крайних формах. Оно «подавило реальный воспроизводственный процесс и привело к возрастающей дезорганизации, распаду общества ... После 1925 года началась, в соответствии со старой традицией, перекачка средств из деревни в индустриализацию, что ещё больше обострило ситуацию, означало укрепление порядка, противостоящего рынку» [Ахиезер 1998: 455]. Успехи героической индустриализации и жесточайшей коллективизации сопровождались утвердившимися в обществе на долгие годы покорности, безынициативности, симуляционного поведения, безоглядной лояльности руководителям. Эти черты наиболее ярко проявлялись в политическом сознании и поведении основной части населения, сочетаясь парадоксальным образом с самоотверженностью и инициативой в профессиональной деятельности [Аксенова 2016].

Для модернизации экономики в мирных условиях и при предельной усталости населения требовалось преобразовать социальную структуру, сделать ставку на социальный слой, способный решать задачи ускоренной индустриализации. Одно лишь уничтожение привилегированных сословий не позволяло решать эту проблему, необходимо было сформировать новую социальную структуру, которая давала бы возможность проводить индустриализацию страны, поднять технический уровень крупной и местной промышленности, создать собственную сырьевую базу. В 1920-е гг. разворачиваются ударные стройки, возводятся новые промышленные предприятия, в результате отмечается беспрецедентный рост численности промышленных рабочих.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М.: ЦСУ Союза ССР. 1927–1929. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. 19, 250, [1] с. : табл. (На обл. опечатка в загл. : Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1929 г., вместо 1926 г.). С. 4, 7, 9, 12, 18.

На селе была сделана ставка на коллективизацию и повышение товарности сельского хозяйства, способного накормить город. В ходе революции были уничтожены крупные производители, дававшие свыше 70% товарного зерна – помещики и зажиточные крестьяне. Преобразование деревни шло с очень тяжёлыми последствиями для крестьян. Здесь по-прежнему преобладал тяжёлый ручной труд при низкой товарности производства, осуществлялось принудительное обобществление, создавались неэффективные колхозы и совхозы, соблюдался классовый принцип продажи сельхозтехники, увеличивались налоги с кулаков (они давали половину деревенских сборов). Эти меры совершенно подорвали сельскохозяйственное производство. В 1927–28 гг. план хлебозаготовок был сорван. Сбои в снабжении промышленных центров хлебом угрожали дестабилизацией, голодом.

Выход страны из тяжёлого экономического положения после революции и гражданской войны, наличие отсталой отраслевой структуры и огромной массы бедного населения, низкий уровень образования и профессионализма, неэффективная, бюрократизированная система управления, опиравшаяся на террор и внеэкономическое принуждение, не могли обеспечить модернизационного прорыва, реального приближения России к европейским странам по уровню развития. Как справедливо пишет Э. Э. Шульц, «ускоренная индустриализация за счёт ущемления других областей социальной и экономической жизни в 1930-е гг. имела место и сыграла свою роль... Однако основной «прорыв» СССР произвёл не в 1920-е и не в 1930-е гг., а в ходе и после Второй мировой войны за счёт неимоверного напряжения и мобилизации всех ресурсов, в первую очередь людских» [Шульц 2015].

Две основные социальные группы – рабочий класс и крестьянство – стали основными объектами изучения в 20–30-е гг., отдельные исследования были посвящены формированию инженерно-технических кадров.

Исследования рабочего класса и технических кадров

В послеоктябрьский период наибольший интерес у исследователей и партийных руководителей вызывали процессы, связанные со становлением рабочего класса. Изучались его быт, профессиональный состав, источники пополнения, связь с землёй. Ускоренная индустриализация страны вызвала заметный рост численности рабочих, пополнявшихся из различных слоёв общества, прежде всего из крестьянства. В соответствии с идеологическими указаниями на руководящую роль пролетариата в построении нового общества, в изучении рабочего класса большое внимание уделялось социальному происхождению, присутствию в ведущих отраслях потомственных рабочих, а также разрыву связей с деревней первых поколений рабочих. Эти показатели постоянно отслеживались в проводившихся переписях рабочих и служащих. Особый

характер имели исследования, носившие характерную для своего времени печать проверки на подлинную «пролетарскую чистоту» кадровых рабочих. Теоретические исследования на тему рабочего класса практически не проводились, исключение составляла только статья Б. Л. Маркуса «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР [Маркус 1930].

В официальных концепциях выделялись три слоя в составе рабочего класса: один слой составляла основная масса кадровых рабочих, в том числе имеющих пролетарское происхождение; второй – бывшие крестьяне и выходцы из других непролетарских слоёв; третий слой – рабочая аристократия, наиболее зажиточная часть рабочего класса, склонная к восприятию буржуазной идеологии. Эти официальные установки служили методической рамкой для исследования.

Основным источником информации о рабочем классе были переписи, которые регулярно проводились в отдельных отраслях, городах, на предприятиях. В связи с этим сошлёмся на книгу А. Г. Рашина «Металлисты СССР» [Рашин 1930]. В ней проанализированы материалы переписи 1929 г. Перепись производилась по выборочному методу. Было переписано свыше 20% рабочих металлургической промышленности. Состав рабочих представлен по социальному происхождению, по связи с сельским хозяйством, квалификации, производственному стажу, продолжительности пребывания на последнем месте работы. Также был проанализирован культурный уровень, партийный состав и общественная активность. Оказалось, что в 1929 г. уже 56,9% металлистов – дети рабочих, 36% – крестьян, 4,8% – служащих; дети кустарей, торговцев и т. д. – 2,4%. При этом 20% рабочих не порывали связи с сельским хозяйством и имели землю. Грамотность среди металлистов была довольно высокая. Только 5,2% рабочих были неграмотными, среди них старше 40 лет – 14,7%. Продолжительность школьного обучения была зафиксирована в соответствии с квалификацией и возрастом, полом и партийностью.

В период кризисного состояния экономики в 20-е гг. было проведено несколько исследований о материальном положении безработных. Так, Л. Е. Минц изучал бюджеты безработных в шести городах России – Москве, Ленинграде, Сталинграде, Харькове, Иваново-Вознесенске и Туле [Минц 1927]. Были обследованы безработные без семей и живущие в семьях, индустриальные рабочие и совслужащие. В процессе исследования сравнивались бюджеты безработного и занятого рабочего, анализировалась зависимость бюджета от длительности безработицы, от квалификации рабочего. Л. Е. Минцу принадлежат и другие работы этого периода [Минц 1929; 1926].

Среди проводившихся в первые послереволюционные годы исследований выделяется статья П. А. Сорокина «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп» [Сорокин 1921]. В это время Сорокин работал в Петроградском университете и в лаборатории по изучению рефлексологии профессиональных групп

при Институте Мозга в Петрограде. Последнее обстоятельство объясняет присутствие в статье материалов, посвящённых влиянию профессий на психические приспособления и деформации.

Профессия рассматривается Сорокиным не только как род трудовой деятельности человека, предмет его постоянных занятий и свидетельство наличия у него опыта, знаний и умений, позволяющих выполнять данный вид работ. Как определил сам Сорокин, задача его статьи шире – с одной стороны, рассмотреть влияние, которое оказывает профессиональная деятельность на поведение и переживания людей, а с другой – сделать описание социальных эффектов, являющихся следствием такого влияния. Сорокин методологически обосновывает систему социальных критериев, позволяющих определить социальные характеристики различных профессий и сформулировать индикаторы их социальных различий. Сорокин пишет, что прямо или косвенно профессия определяет: 1) бюджет времени человека, 2) его жилище, 3) одежду, 4) пищу, 5) его потребности и способы их удовлетворения, 6) характер его увлечений, 7) семейное положение, 8) способы поддержания знакомств, 9) способы соблюдения конвенциональных правил и профессиональной этики. Сорокин ставит вопросы профессионального расслоения общества, профессиональной мобильности, профессиональной солидарности и профессионального корпоративизма. Последний формируется в силу сходства поведения, стремлений и интересов однопрофессиональных лиц, которые будут солидаризироваться друг с другом на почве сходства и общих интересов. Члены резко различных друг от друга профессий, наоборот, будут взаимно чуждыми и возможно враждующими друг с другом в силу резкой их гетерогенности, а часто и противоположности стремлений и интересов. Сорокин предупреждает о профессиональной деформации работника, видит выход в профессиональной мобильности, но при этом подчёркивает необходимость соблюдать принцип специализации.

В качестве приложения к статье Сорокин публикует «Программу и методы исследований профессиональных групп, профессионального отбора и профессиональной деформации», которая включает применение опроса, наблюдения, измерения, кинематографическую съёмку, фотографию, антропологические измерения, врачебное исследование и пр. Можно сказать, П. Сорокин предложил программу комплексного исследования практически любых профессиональных групп, которая могла бы использоваться и по отношению к другим общностям.

Ещё одним направлением изучения социальных характеристик рабочего класса являлось составление бюджетов времени, которые дают возможность фиксировать и далее анализировать поведение людей в сферах труда, быта, образования и отдыха.

Первые бюджеты времени в России были обследованы по инициативе С. Г. Струмилина органами государственной статистики в 1920–30-е гг. Целью обследований было определение изменений в быте и повседневной жизнедеятельности трудящихся в результате социальных перемен. В работах Струмилина были заложены методоло-

гические основы, принятые в последующем исследователями бюджетов в России. Им было обосновано, что экономическую сущность имеет не только труд в общественном производстве, но и домашний труд. И на производстве, и вне производства, считал Струмилин, действует объективный закон стоимости [Струмилин 1964]. Он выдвинул также положение об общественной стоимости воспроизводства рабочей силы, которая включает и стоимость домашнего труда.

В статье «Бюджет времени рабочих в 1923–1924 гг.» [Струмилин 1925], автор проанализировал результаты исследований, проведённых в десяти городах России. Всего было обследовано 311 семей рабочих и 26 рабочих без семей. Данные 1924 г. показали, что максимальная нагрузка падает на зарабатывающих женщин, являющихся в 80% случаев и домашними хозяйками. Их трудовой день достигал 14 час. 45 мин. Домашние хозяйки, не работающие по найму, были заняты 11 час. 46 мин в день. Для всех групп обследованных время работы в будни с 1922 по 1924 гг. увеличилось, а время отдыха уменьшилось. Струмилин отмечает, что необходима рационализация домашнего труда для сбережения «трудовой энергии рабочих» ради более эффективного производственного труда и культурного развития. Сравнивая бюджеты в семьях столичного и провинциального рабочего, Струмилин отмечает значительные различия в затратах времени на домашний труд – в провинции они на 84% больше, чем в столицах. В то же время столичный рабочий больше тратит времени на дорогу до работы, хождение на рынок и в магазины. Наибольшую ценность, по Струмилину, имеет «свободный труд», потраченный на самовоспитание и общественную деятельность, на развитие человека.

Наряду с работами по изучению рабочего класса в идеологической партийной парадигме в этот период выходили немногочисленные работы, посвящённые формированию технической интеллигенции в Советском Союзе. Помимо упомянутой выше работы Л. Е. Минца, обратим внимание на публикацию А. Е. Бейлина «Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост» [Бейлин 1935]. Он был одним из первых, кто попытался проанализировать состав ИТР в период 1917–35 гг. А. Е. Бейлин подразделил интеллигенцию на три группы в соответствии с позицией, занятой её представителями по отношению к Советской власти. В одну группу были включены специалисты, противостоявшие большевикам. Именно они, по мнению Бейлина, оказались причастными к пресловутому «вредительству». Вторую группу составили инженеры и техники, занявшие позицию активного сотрудничества с властью. Автор полагал, что данная группа являлась наиболее многочисленной в силу своей социальной близости к рабочему классу. В третьей группе оказались специалисты, лояльно настроенные по отношению к власти, но не демонстрировавшие открыто свои политические предпочтения. Нельзя не отметить односторонность избранной модели структурирования, основанной лишь на характере политических взглядов, но вместе с тем в монографии Бейлина были показаны особенности процесса формирования технической интел-

лигенции: феномен выдвигенчества, образовательный уровень специалистов, система подготовки кадров, соотношение в промышленности кадров разной квалификации. Несмотря на идеологическую ориентацию исследования, оно содержит ценный материал о формировании и характеристике технических кадров в 20–30 гг. прошлого века в России.

Уже в первом десятилетии существования советской власти происходили значительные изменения в условиях и формах быта рабочих. Задачи развития промышленности делали необходимым повышение их уровня жизни и улучшение жилищных условий. Были проведены «мероприятия» по «уплотнению» богатых людей и интеллигенции, т. е. вселению в их квартиры рабочих с окраин, которые не умели пользоваться бытовыми удобствами в новых своих жилищах, и в результате в жилом фонде городов, особенно крупных, наступила разруха [Дедюхова]. Как происходило это «уплотнение», художественно ярко описал М. А. Булгаков в повести «Собачье сердце». Естественно, что по соображениям «революционной» цензуры и идеологическим установкам, эти аспекты бытовой жизни рабочих не становились в те годы предметом объективного изучения. Тем не менее можно сослаться на одно комплексное исследование условий, структуры и форм повседневной бытовой деятельности, которое было проведено в середине 1920-х г. под руководством Е. О. Кабо [Кабо 1928]. В 1924–25 гг. уже наметились сдвиги в бытовых условиях и материальной обеспеченности рабочего класса, что отразилось на характере его быта. Появились новые явления и в культурной жизни рабочих – клубы, кружки, производственные совещания и т. д. Как пишет Е. О. Кабо, «в порядок дня была поставлена задача устройства рабочей жизни». Обследованием 1924–25 гг. было охвачено почти 200 рабочих семей. Метод исследования – статистико-монографический, сочетающий изучение бюджетов и монографическое описание типичных рабочих семей. Был использован экспедиционный способ сбора данных. Анализ проводился по широкому кругу проблем: влияние социального происхождения, обучения, заработной платы на быт рабочих; бюджет семьи, её питание, жилище, одежда и домовый инвентарь; культурные потребности, воспитание детей, релаксация.

В работе Е. О. Кабо были поставлены и решены некоторые методологические вопросы проведения подобных исследований, в частности принципы группировки рабочих. Разумеется, они несут на себе знак эпохи, но дают возможность живо представить человеческие типы, отнесённые исследователем к той или иной группе. Кабо выделяет четыре группы рабочих: 1 – «рабочая целина» – т. е. рабочие, сохранившие в неприкосновенности старые устои замкнутого дореволюционного быта; 2 – рабочие, в чьей жизни в той или иной форме прошла «первой бороздой новая революционная культура»; 3 группа – рабочие семьи, «где современная культура встретила хорошо вспаханную почву, и где новый бытовой уклад развивается без больших скачков и противоречий», и 4-ю группу составляли те рабочие, «чья жизнь ещё задолго до революции сложилась под влиянием революционной борьбы». Рабочие 4-ой группы к 1924 г. у станка уже не стояли, а были вовле-

чены в общественную и административную работу и поэтому не были представлены в исследовании [Кабо 1928: 28]. Несмотря на идеологически-классовые принципы группировки, собранный эмпирический материал был проанализирован с высоким мастерством. Монографические описания рабочих семей были выполнены столь подробно и аналитично, что в результате создалась реальная социально-дифференцированная картина рабочего класса с живыми человеческими типами.

Исследования села и крестьянства

Фундаментальное исследование тенденций развития города и деревни в России в первые десятилетия XX в. провёл выдающийся русский социолог П. А. Сорокин, показавший необходимость ускоренной урбанизации России. Его большая статья «Город и деревня (био-социологическая характеристика)» [Сорокин 1923] вышла в Праге в первые годы эмиграции учёного.

В деле воссоздания России, пишет П. А. Сорокин, требуется учёт её деревенского характера – того факта, что 86% её населения – жители деревни («деревенщина»), а 74,6% заняты в сельском хозяйстве и в профессиях, к нему примыкающих. Сорокин выделяет три группы различий города и деревни.

1. *Биологические.* Деревня, а не город, является национальным резервуаром здоровья. Всё поведение – рефлексы, инстинкты, импульсы и весь организм человека в течение многих веков приспособились к деревенской, а не к городской жизни. Об этом говорит статистика профессиональных заболеваний, брачность, рождаемость, смертность. Эти показатели лучше в сельской местности. «Биологически город – «потребитель» населения, а не его «производитель». Он «тратит» здоровье, а не «копит» его» [Сорокин 1923: 7]. И в этом смысле агрикультурные страны, подобно России, имеют потенциальное преимущество перед сильно индустриализированными.

2. *Различия в поведении,* обусловленные окружающей средой. Опыт горожанина шире, чем сельского жителя, но менее устойчив, более поверхностен, опосредован. Опыт «деревенщины» сравнительно узок, содержание сознания ограничено, но его опыт – прямой; то, что он знает, – он знает прочно и основательно. Как пишет П. А. Сорокин, «деревенщина» всему учится «буквально своим организмом». «В силу этой «непосредственности» опыт у него оседает прочно, ибо он адекватен явлениям... Город, особенно большой *город*, был всегда очагом новаторства, изменений, социальных волнений, проводником «моды», словом, «бродильным ферментом» в жизни всей страны. Деревня, напротив, ... пока она не урбанизирована, была «оплотом» порядка, консервативности, носителем и хранителем «национальных» черт, традиций, шире – всей истории страны» [Сорокин 1923: 13]. Город, по выражению Сорокина, «нервная система страны, а деревня копит нервную энергию».

3. *Различия в духовном облике.* Среда и профессии горожанина и крестьянина вызывают различия мировоззрения, отношения к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму. У рабочего рефлекс индивидуального присвоения, или инстинкт собственности, оказывается «ущемлённым», неудовлетворённым, а поэтому он толкает человека к завладению хотя бы частью богатства, понуждает массы рабочих на обобществление и социализацию. Значительно другими являются условия в деревне. Здесь инстинкт собственности может находить своё удовлетворение. Огромное значение в деревне имеет индивидуальность работника. «Урожай определяется прежде всего личными усилиями и индивидуальностью работника» [Сорокин 1923: 21]. Коллективизация в деревне возможна лишь в форме *вольной кооперации*, которая не ущемляет чувства собственности и индивидуальной самостоятельности, а лишь дополняет его.

Город и деревня, по Сорокину, два мира – разных биологически, психически и социально. Урбанизированная страна всегда будет гораздо более активной, будет проявлять несравненно большую энергию, чем страна сельская, но только до тех пор, пока она имеет деревенский тыл, восполняющий её колоссальные траты. «Чтобы быть громадной кинетической силой, чтобы выявить свою огромную потенциальную энергию, таким странам – Россия в их числе – придётся усилить свою урбанизацию. Самым лучшим выходом ... была бы «рурбанизация», т. е. такая форма общежития, где были бы соединены в одно положительные стороны города и деревни» [Сорокин 1923: 22].

В практическом изучении послереволюционного села активное участие принимали бывшие земские статистики. Читая сегодня эти работы, можно заметить их прижатность, идеологическую корректность с оглядкой на новый режим, но вместе с тем они содержат большой материал о быте, культурном уровне, наличии источников информации на селе, о других аспектах деревенской жизни. На фоне подобных исследований образцовым можно назвать исследование, проведённое М. Я. Феноменовым в деревне Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии. Материал собирался в течение трёх лет, в нём тщательно освещались разные стороны жизни 83 крестьянских дворов [Феноменов 1925]. Были рассмотрены взаимоотношения жителей в рамках разных социальных объединений и учреждений – в семье, общине, волости, партийных организациях и т. д. Автор анализировал состав населения в связи с его имущественным положением и убедительно показал, что богатая часть населения – самая здоровая и грамотная, в богатых семьях больше потомков. Было уделено внимание духовным процессам, отношениям между супругами и разными поколениями, положению женщины, воспитанию детей и др.

Плодом многолетних исследований была также монография А. М. Большакова, посвящённая Горицкой волости Тверской губернии [Большаков 1925]. Большаков много внимания уделил экономическому состоянию хозяйств, описал быт, питание, образование, культуру, рели-

гию, мысли и настроения крестьян, проблемы волостного управления. Большаков, хотя и был в 1924–25 гг. преподавателем Ленинградского университета, сам вёл своё крестьянское хозяйство в Тверской губернии, хорошо знал дореволюционную и советскую деревню 1920-х гг. Его выводы о возможностях кооперации в деревне расходились с проводимой советской властью политикой (А. М. Большаков был арестован в 1939 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации и расстрелян в 1941 г.). Он писал, что в области сельского хозяйства регулятором должна стать кооперация, опирающаяся на самодеятельность населения: «Коллективизировать крестьянские хозяйства – это совсем не значит стричь их под одну гребёнку, загонять, например, всех в коммуну (хочешь, не хочешь, а иди). Наша обширная страна так пестра по своим хозяйственным условиям и реальному соотношению сил между различными экономическими группами крестьян, что вариантов коллективизации их хозяйств может быть немало» [Большаков 1925: 82].

Социальная дифференциация крестьянства стала предметом исследования Ф. Железнова о Большеверейской волости Воронежской губернии [Железнов 1926]. Он изучал отношение бедняков, середняков, зажиточных и кулаков к налогам, сравнивал их мнения об общине, коллективном хозяйстве, выходе семей на отрубá, поселению на хуторах. Опрашивая крестьян об образовании, он убедился, что чем беднее крестьянин, тем неграмотнее он был. Половина опрошенных относилась безразлично к отмене в школах «закона Божьего», одна четверть положительно, а другая – отрицательно. В книге Ф. Железнова подробно описан быт крестьян, их жилище, санитарное состояние изб и т. д.

Определённый интерес представляет исследование, проведённое в 1924 г. с использованием корреспондентского метода через газету «Беднота». 36 крестьянских писем было опубликовано в книге «Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне» [Деревня... 1924]. В предисловии отмечается, что необходимо внимательно изучать, чем дышит середняк. «Одна статистика здесь поможет мало. Нужны более подвижные, чуткие органы восприятия деревенской действительности. <...> Косвенным и очень ценным материалом являются показания самих крестьян <...>. Это не наблюдение случайно попавшего в деревню обследователя-коммуниста, а отголосок **типичных, массовых** воззрений, свойственных деревне нашего дня» [Деревня... 1924: 6]. В своих ответах на вопросы крестьяне расширили признаки кулацкого хозяйства за пределы только наличия того или иного инвентаря, а говорили о том, как приобрёл кулак своё хозяйство, прибежал ли он к наёмному труду, к торговле, к разным способам кредитования нуждающихся. В письмах отмечается, что часть кулаков возникла посредством пребывания в комитетах бедноты, исполкомах и других управленческих органах.

Довольно большой эмпирический материал был проанализирован в историко-сравнительном исследовании, которое провёл в 1926 г. К. В. Шуваев [Шуваев 1927]. Его книга под названием «От вымирания

к возрождению. Повторное исследование бывш. «вымирающих» селений (с. Ново-Животинного и д. Моховатки) Воронежской губернии и уезда» была опубликована в 1927 г. Материал собирался в тех же населённых пунктах, где до революции обследовал крестьянские хозяйства А. И. Шингарёв. Было проведено сплошное подворное экономическое и бытовое описание всех хозяйств и селений в целом. Изучались архивные материалы, старые метрические церковные книги и пр. Кроме того, обследована деятельность потребительского общества и кредитного товарищества, изучено состояние здравоохранения, смертность и рождаемость населения, религиозность, следование языческим обрядам, грамотность, санитарное состояние селений, промыслы, дифференциация хозяйств и т. д. Как объективный исследователь, К. В. Шуваев отмечает улучшение социально-экономического положения деревни и показывает, что дифференциация крестьянских хозяйств на селе развивается. Различия хозяйств, продающих свою рабочую силу более 50 дней в году и нанимающих рабочую силу более 50 дней в году, составляет по совокупности всех средств производства около 8 раз. В книге проводится сравнение с состоянием деревни в 1906 г. по исследованию А. И. Шингарёва [Беляева 2020].

Спустя 10 лет (в 1937 г.) Шуваев публикует ещё одну книгу, в которой в основном восхваляет успехи колхозного строительства, и которая уже довольно бедна конкретным эмпирическим материалом о положении крестьянских семей. Вместо этого – в основном общее описание экономических успехов колхоза, эмоциональные свидетельства колхозников об их хорошей жизни. Словом, книга была сделана в традициях советской идеологической пропаганды.

Но вернёмся к исследованиям, проводившимся в 1920-е гг., до периода сплошной коллективизации сельского хозяйства. В русле земских статистических исследований в первые послереволюционные годы продолжались исследования села, возглавляемые бывшими земскими статистиками, пришедшими работать в 1918 г. в созданное Центральное статистическое управление РСФСР (а затем ЦСУ СССР). Динамические обследования крестьянских хозяйств, проводившиеся в 1919–27 гг. ЦСУ, связаны с именем А. И. Хрящевой, работавшей до революции земским статистиком в Саратовском, Смоленском, Вологодском, Харьковском, Тульском статистических бюро [Хрящева 1926]. В динамических переписях этого периода ежегодно обследовались тысячи крестьянских хозяйств, которые отбирались по принципу «гнезд». Каждое «гнездо» могло включать крупное село, несколько небольших деревень, иногда и целую волость. К 1927 г. переписывалось 3–4% всех хозяйств России [Динамика крестьянских... 1931].

В 1926 г. было намечено проведение Всесоюзной сельскохозяйственной переписи населения. Для её проведения требовалось решить много методологических вопросов, центральный из них: что же такое крестьянское хозяйство, какие признаки можно принять в его типологии? Крестьянское хозяйство в России, по мнению А. И. Хрящевой,

имеет свою историю, связанную с крепостной эпохой и общинным строем, поэтому к нему неприменимы признаки, которые используются на Западе для характеристики сельскохозяйственного предприятия. Крестьянское хозяйство А. И. Хрящева определяла как семейно-экономическую организацию, члены которой, объединённые производственным и потребительским бюджетом, организуют собственное сельскохозяйственное предприятие, участвуют в нём сами и, смотря по соотношению сил и средств, организуют другие предприятия или занимаются неземледельческими промыслами [Хрящева 1926]. В типологическую группировку крестьянских хозяйств автор закладывала довольно много признаков, учитывая многообразие функций, отношений, отраслевых особенностей и т. д. Всего она выделяла таким образом 20 типов хозяйств, каждый из которых затем группировался по размерам. А. И. Хрящева выступала против упрощённых оценок социального расслоения деревни, а дифференциацию крестьянских хозяйств не рассматривала как угрозу политическому строю, за что подвергалась критике.

В 1920-е гг. разворачивались большие дискуссии вокруг вопроса о перспективности мелкого семейного производства. Лидером этого направления исследований в России был А. В. Чаянов, принадлежавший к так называемой организационно-производственной школе. Странники этой школы разрабатывали теорию особого типа хозяйствования крестьянской семьи, которая сохраняет свои характерные черты и при капиталистической форме экономики, и при социализме. Предметом анализа являлась не только экономико-производственная, но и биологическая функция семьи.

В своих научных трудах и выступлениях А. В. Чаянов полемизирует не только со сторонниками коллективизации деревни, но и с другими известными учёными, в частности с С. Н. Прокоповичем, который основную роль в развитии сельского хозяйства отводил технической оснащённости и экономической целесообразности. А. В. Чаянов сумел выработать собственный подход к анализу крестьянского хозяйства. Опираясь на достижения динамических переписей крестьянских хозяйств и производственно-демографический анализ дифференциации, сделанный земскими статистиками и организационно-производственной школой, он показал, что дифференциация крестьянства в 1920-е гг. радикально отличалась от дореволюционной. Перестраиваясь из натурального в товарное, российское крестьянское хозяйство испытывало аграрную перенаселённость, начинало мигрировать, развивать промыслы, и в результате дифференцировалось. Чаянов рассматривал расслоение крестьянства не как классовую дифференциацию, а как разделение основного массива семейно-трудовых хозяйств на четыре вида самостоятельных предприятий: фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых, вспомогательных.

А. В. Чаянов считал, что основным дифференцирующим фактором на селе является размер семьи, который и определяет размер хозяйства. Анализируя материалы проведённых им бюджетных иссле-

дований в Старобельском уезде Харьковской губернии, он отмечал, что именно размер и демографический состав семьи определяет её зажиточность. Об этих проблемах А. В. Чаянов горячо говорил в докладе, который сделал в 1927 г. в ходе дискуссии в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики [Чаянов 1989]. Надо сказать, что в советской литературе в 1930-е гг. активно обсуждались поднимаемые им вопросы: по каким показателям можно определить процесс превращения крестьянских хозяйств в фермерские, каковы критерии кабальных форм эксплуатации, как можно оценить роль отхожих промыслов в валовом доходе семьи? Острота этих проблем порождалась взятый партией курсом на коллективизацию крестьянства.

Серьёзным исследователем состояния и перспектив развития сельского хозяйства в России был Н. Д. Кондратьев – автор теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества. Он оставил труды по экономике и планированию сельского хозяйства, выдвинул идею о необходимости создания неизмеримо более высокой технической оснащённости сельского хозяйства для успешного проведения коллективизации. Он подчёркивал преждевременность ускорения темпов коллективизации, на чём настаивало руководство партии большевиков. Свою позицию Кондратьев чётко обозначил на допросе в ОГПУ по делу Трудовой Крестьянской партии 4 августа 1930 г.: «По уровню развития производительных сил и духовной культуры при капиталистическом окружении дореволюционная Россия была не подготовлена к строительству социализма, особенно в сфере сельского хозяйства, и этот общественный строй не мог бы оказаться для нас наиболее прогрессивным... В этом смысле НЭП явился прообразом и основой такого строя»¹.

Такие учёные, как А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и их соратники, представляли в России интеллектуальную преграду для осуществления планов по коллективизации. Они считали, что развитие индивидуального крестьянского хозяйства способно решать задачи повышения производства продукции и создания экспортного потенциала, а со временем эти хозяйства могут добровольно кооперироваться. Многие учёные, не согласные с насильственной коллективизацией крестьянства, партийные и практические работники были репрессированы. В их числе – Чаянов и Кондратьев. Посмертная их реабилитация состоялась только в 1987 г.

Иначе сложилась судьба другого крупного экономиста, статистика, социолога села, разностороннего учёного, с которым полемизировал Чаянов, – С. Н. Прокоповича. Он, наряду со многими деятелями науки, искусства и литературы, был выслан из России в 1922 г., но российская тематика, особенно проблемы крестьянства и кооперации, не ушла из его научного творчества. В 1924 г. в Берлине он издал монографию «Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований

¹ Из протоколов допросов в ОГПУ Н. Д. Кондратьева по делу Трудовой Крестьянской партии // <http://doc20vek.ru/node/3285> (Дата посещения: 25.05.2020).

и динамических переписей» [Прокопович 1924]. В ней он анализирует крестьянские бюджеты и утверждает, что не размер и состав семьи, или её потребности влияют на размеры крестьянского хозяйства, как считал А. В. Чаянов. Решающее значение принадлежит земле и средствам производства, как и в рыночном капиталистическом производстве. Поэтому нет никаких оснований для создания «особой» теории крестьянского хозяйства, считал Прокопович. Зажиточность двора – это экономический фактор, определяющий размер семьи. Другой фактор – связь хозяйства с рынком. При натуральном строении хозяйства семья больше, чем при денежном: рост потребностей под влиянием рынка понижает годовой прирост населения. Используя корреляционный анализ, С. Н. Прокопович показывает, что число работников в семье действует на доходность хозяйства гораздо слабее, чем размеры материальных факторов производства.

В этой работе С. Н. Прокопович спорит и с В. И. Лениным по вопросу о расслоении крестьян на два класса – сельский пролетариат и сельскую буржуазию. Он пишет: «чтобы мы имели дело с классами, нужно: 1) чтобы доходы этих социальных групп проистекали из различных источников, например, одна группа имела бы доход от продажи своего труда, другая – от капитала; и 2) чтобы принадлежность одних лиц и хозяйств к этим группам носила устойчивый, даже наследственный характер, чтобы группы были более или менее устойчивы по своему конкретному составу» [Прокопович 1924: 173].

Специальному анализу С. Н. Прокопович подверг влияние рынка на крестьянское хозяйство, отмечая, что для роста производительных сил в сельском хозяйстве необходимо развитие рыночных отношений, рост городов и промышленности, служащих рынком сбыта для его продуктов. Основное значение для будущего России имеет развитие хозяйств, которые обладают возможностью вступать в денежные отношения с промышленностью и участвовать посредством рынка в техническом прогрессе и росте производительности труда. «Лишь преодоление аграрного перенаселения выведет русское крестьянство на путь экономического прогресса, благосостояния и культурного развития» [Прокопович 1924].

Мнение экономистов-аграрников (А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и др.), считавших наиболее перспективным для экономики соединение индивидуально-семейной, коллективной и государственной форм организации производства, было проигнорировано руководством страны. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял специальную резолюцию по вопросу о работе в деревне, в которой провозгласил курс на коллективизацию. Политика коллективизации предполагала отмену аренды земли, запрет наёмного труда и раскулачивание, т. е. конфискацию у зажиточных крестьян (кулаков) земли и имущества. Сами «кулаки», если не были расстреляны, направлялись в Сибирь или на Соловки. В 1930–31 гг. в отдалённые районы страны было выселено примерно 381 тыс. «кулацких» семей. Ускоренная индустриализация и насильственная коллективизация фактически ввергли страну в состояние войны государства против своих же граждан. Меры проведения коллективизации встретили массовое

сопротивление крестьян. Отказы вступить в колхоз расценивались как саботаж и подрыв советских устоев, а тех, кто сопротивлялся насильственному включению в колхозы, приравнивали к кулакам. Следствием коллективизации были миллионы жертв голода 1932–33 гг. и массовых репрессий.

Коллективизация сельского хозяйства позволила осуществить индустриальное развитие страны, но методы её проведения были кровавыми. Естественно, что объективных научных исследований об отношении крестьян к коллективизации и вообще об изменениях деревни в эти годы не проводилось. Возможность оценить эти процессы появилась значительно позже [Литошенко 2001; Данилов 2011; Современное крестьяноведение... 2015; «Первая заповедь»... 2016; Кондрашин 2018; и др. работы].

Всесоюзная перепись 1937 г.: утраченные и обретенные данные о структуре населения

Всесоюзная перепись населения 1937 г. задумывалась как демонстрация результатов социалистического строительства и успехов страны в увеличении численности населения, роста его образовательного и культурного уровня. Но, помимо идеологических доводов, очень существенной была потребность в точных данных о населении страны. Введение в городах в конце 1929 – начале 1930 гг. продовольственных карточек обострило необходимость оценки численности и состава жителей по источникам дохода и профессиональным занятиям. Данные переписи 1926 г. уже устарели, оценки на её основе не вызывали доверия, текущий учёт страдал многими недостатками. Перепись была проведена 6 января 1937 г., её предварительные итоги уже через 10 дней после проведения были представлены руководству страны, в том числе Сталину, объявлены «вредительскими», а ответственные за её проведение работники и многие рядовые исполнители были арестованы и репрессированы. Материалы переписи не были подвергнуты статистической обработке, не публиковались и были засекречены на несколько десятилетий¹.

Анализ архивных материалов показал, что анкета, составленная всеми ведущими специалистами, участвовавшими в переписи 1926 г., в конечной редакции под воздействием руководства страны была сильно упрощена и стала неполной. Организация переписи проводилась

¹ Лишь в последние десятилетия молчание вокруг переписи 1937 г. было нарушено, а на исходе 1980-х гг. стало известно о том, что материалы переписи хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В начале 1990-х гг. материалы переписи были опубликованы сотрудниками Института Российской истории РАН отдельным изданием, очень ограниченным тиражом и стали библиографической редкостью. Из всего массива данных переписи обнаружено лишь несколько десятков таблиц, большая часть данных переписи была утрачена, в том числе по различным регионам страны // Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 3–4. Позже вышел из печати сборник, содержащий материалы переписи и документы, относящиеся к её подготовке и проведению: «Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги». Сб. док. и мат. М.: РОССПЭН, 2007.

под прессингом руководящих органов и лично Сталина, заранее провозгласившего успехи Советской страны в повышении рождаемости, увеличении общей численности населения, росте численности рабочего класса и городского населения, в повышении грамотности и образовательного уровня жителей, всеобщего атеизма. Сталин редактировал анкету, по которой проводилась перепись, вносил такие коррективы, которые затушёвывали острые проблемы социально-экономического развития общества и в значительной степени упрощали и примитивизировали переписной лист. В конечной редакции анкета была утверждена в таком виде, что завышались данные руководителей государства, желавших показать достижения советского периода в повышении культурного уровня населения; упрощались сведения о миграционных процессах, чтобы скрыть депортацию неугодных лиц; вопрос о положении в занятиях был заменён «лобовым» вопросом о самоотнесении респондентов к общественным группам: рабочие, служащие, единоличники, кустари, лица свободных профессий, служители культа и другие нетрудовые элементы. Были и другие упрощения и «исправления» анкеты, которые снижали информационную ценность переписи для характеристики социальной структуры общества, миграционных и демографических процессов, социокультурных изменений.

Большим положительным достижением переписи стала подробная классификация занятий респондентов, которая включала профессии, присутствовавшие в переписи 1926 г. и появившиеся в связи с индустриализацией, коллективизацией и новой системой управления в стране. Были подробно описаны занятия руководящего персонала общероссийского, республиканского и областного масштабов. Особенно подробно даны характеристики руководителей в сельском хозяйстве. При названии занятия впервые отмечался уровень образования.

По окончании переписи её материалы обнародованы не были, но теперь мы знаем, что она учла 162 млн. человек, включая контингенты Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и НКВД. Последние переписывались с учётом заключённых, которые были учтены, как тогда говорилось, в особом порядке¹.

Причинами негативного отношения к переписи стало недовольство руководства страны и лично Сталина результатами предварительного подсчёта общей численности населения. Действительно, численность населения, по переписи, была значительно ниже прогнозируемой, исходя из данных текущего учёта населения, и даже ниже тех оценок, которые публиковались по прошлым годам. Специальным постановлением Совнаркома перепись была признана проведённой с грубейшими нарушениями и назначена повторная перепись на январь 1939 г. [Волков 2014: 122].

¹ При предыдущей переписи 1926 г. в общем порядке было переписано 146413,6 тыс. и в особом порядке всего 614,6 тыс. человек. За десять лет доля переписанных в особом порядке возросла больше чем в 7 раз (с 0,4% населения в 1926 г. до 3,1% в 1937 г.) // Население Советского Союза: 1922–1991 / Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. М.: Наука, 1993. С.27–28.

Обработка сохранившихся материалов переписи показала, что в 1937 г. численность населения без военнослужащих составляла 156,9 млн человек. «В это время военнослужащих числилось около 2 млн человек. Итого 158,9 млн человек. Но ведь перепись дала 162 млн. За счёт чего получается разница? Предполагаемый, но наиболее вероятный ответ: за счёт лиц, находившихся в местах заключения. В конце января 1937 г. по специальным контингентам НКВД числилось 2 млн 653 тыс. 036 человек. Эти данные были сообщены для включения их в перепись населения. С учётом их получаем показатель в 161,5 млн человек (158,9 млн плюс 2,6 млн), что почти совпадает с официальным итогом переписи 1937 г. (162 млн человек)». Эти выводы впервые сделал в своей статье в 1989 г. В. В. Цаплин, в то время директор Центрального государственного архива народного хозяйства СССР. [Цаплин 1989]. Он же объясняет значительные расхождения с численностью населения в 1937 г. по переписи и прогнозируемое число жителей по данным текущего учёта населения. На начало 1937 г. прогнозировали, что численность населения СССР будет не менее 170–172 млн человек, а по переписи было учтено только 162 млн. Разница составляла по меньшей мере 8 млн человек, которая образовывалась из-за того, что текущий учёт населения давал неверные, завышенные цифры за счёт занижения смертности населения и завышения рождаемости. Совершенно неудовлетворительное состояние текущего учёта населения являлось главной причиной разрыва между предположениями и фактической численностью населения, установленной переписью. Кроме того, в 1930-е г. отмечается активный уход за пределы СССР жителей Казахстана и Средней Азии. Основной причиной ухода был голод, вызванный насильственными и непосильными для населения скотозаготовками. Остальные 3,5 млн. человек, по мнению Цаплина, могут быть отнесены за счёт недоучёта смертей за истекшее десятилетие.

Цаплин пишет, опираясь на итоги переписи 1937 г., что примерные потери, понесённые советским народом за 1927–36 гг., следующие: 2 млн. человек покинули пределы СССР; 3,8 млн. умерли от голода; 1,5 млн. погибли в местах заключения. Кроме того, 1,3 млн. человек также могут считаться погибшими от голода и в местах заключения без официальной регистрации этих смертей. Общий итог – 8,6 млн. человек. В лагерях и тюрьмах погибали и уголовники. Но не они в те годы составляли основной контингент заключённых, для которых создавались невыносимые условия, будто специально предназначенные для физического уничтожения людей [Цаплин 1989]. Население страны рассматривалось как неисчерпаемый источник дешёвой рабочей силы в местах заключения, а поводов для арестов было предостаточно.

Не зарегистрированная в загсах смертность в 1927–36 гг. составила, по архивным исследованиям, примерно 3,8 млн. человек. Специалисты сходятся во мнении, что засекречивание материалов переписи населения 1937 г. было связано прежде всего с желанием скрыть размеры массового уничтожения населения в эти годы. Современные

учёные, исследовавшие оставшиеся в сохранности материалы переписи 1937 г., отмечают, что точность переписи относительно общей численности населения не вызывает сомнения. По самым минимальным подсчётам, за десятилетие после переписи 1926 г. потери населения составили около 11 млн человек [Жиromская и др. 1996: 44].

В результате индустриализации произошёл значительный рост рабочего класса и жителей городов, но при этом в партийных установках обозначались конкретные цифры роста, которые должна была подтвердить перепись. Увеличение численности горожан по сравнению с 1926 г. ожидалось вдвое, и организаторам пришлось с разными ухищрениями «наращивать» городское население до нужной величины, приписав около 2 млн человек. Индустриализация и её следствие – урбанизация увеличили долю городского населения, которая по переписи с поправками составляла 43 млн человек при сельском населении в 116,4 млн. Десять лет назад – в 1926 г. в городских поселениях проживало 26,3 млн, а численность сельских жителей составляла 147 млн¹. Развитие промышленного производства и коллективизация вызвали форсированную урбанизацию – рост старых промышленных городов и возникновение новых. В городах с численностью населения более 50 тыс. человек рост населения составил 190,9%, а при учёте жителей всех типов городских поселений и при включении контингента РККА и погранохраны НКВД – 197,1%. (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Население крупных городов СССР (свыше 50 тыс. человек) и всего городского населения по данным Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг.
The population of large Soviet cities (over 50 thousand people) and the entire urban population based on data from the Soviet censuses of 1926 and 1937

Городское население	1926 г. тыс. чел.	1937 г. тыс. чел.	1937 г. в % к 1926 г.
Население крупных городов СССР	15 436	29 469	190,9
Всего городского населения, включая контингенты РККА и погранохраны НКВД	26 314	51 861	197,1

Источник: [Жиromская и др. 1996: 60].

Перепись 1937 г. показала, что сельское население составляло 2/3 всех жителей СССР, или 116,4 млн человек, при тенденции к его сокращению главным образом за счёт районов, сильно пострадавших от голода 1932/33 гг. [Всесоюзная перепись... 2007: 76].

По данным переписи 1937 г. грамотность населения значительно выросла по сравнению с 20-ми годами – подавляющая часть населения была грамотной, дети и молодёжь учились в школах, техникумах и вузах, не было дискриминации женщин при обучении. Но полученные данные всё же не дотягивали до ожиданий накануне переписи. Грамотность не была «сплошной», в каждой возрастной группе был

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. – Вып. 3: Население СССР. 1927. С. 3.

свой процент неграмотных¹. Грамотными были 86% мужчин и 66,2% женщин (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодёжи: среди 12–14 и 18–19-летних грамотных было свыше 90%, 561 тыс. человек учились в вузах, 913 тыс. – в техникумах и рабфаках. Всего обучением разного уровня было охвачено 28,5 млн человек [Всесоюзная перепись... 2007: 116].

Состояние грамотности и образования населения было ещё одной причиной, из-за которой правительство запретило обнародовать результаты переписи, поскольку она не подтвердила выводы партии о всеобщей грамотности населения страны.

Немало сложностей возникло и с определением религиозности жителей страны. Есть мнение, что вопрос о религии был добавлен в переписной лист Сталиным. Признали себя верующими 55,3 млн человек, или 56,7% лиц старше 16 лет, что опровергало миф о всеобщем атеизме. Это, вероятно, также послужило одним из доводов для признания переписи дефектной [Волков 1990.: 76].

При всех изъянах перепись 1937 г. давала обобщённое представление о социальном составе и занятиях населения (см. таблицу 2). В России, по сравнению с данными десятилетней давности, произошли кардинальные изменения в социальной структуре общества. Рабочие теперь трудились в основном на госпредприятиях, исчезли частные предприятия и хозяева с наёмными рабочими; хозяева, работающие только с членами семьи; безработные. Осталось незначительное число рабочих в промкооперации, на которую всё увереннее наступал государственный сектор. Коллективизация сельского хозяйства обусловила формирование в социальной структуре большой доли колхозников, почти полностью вытеснив из этой сферы экономики самостоятельных хозяев. В других отраслях они были объединены термином «единоличники» и составили только 4,5% населения. Многие другие категории населения, присутствовавшие в переписи 1926 г., были отражены и в 1937 г.: священнослужители, рантье, лица свободных профессий, нетрудящиеся элементы: нищие, бродяги и т. д. Это обстоятельство было поставлено в тяжкую вину организаторам переписи.

Социальная структура общества, сложившаяся в результате индустриализации, насильственной коллективизации и ликвидации «чуждых» элементов, по результатам переписи была сильно упрощена. Но статистики смогли произвести очень подробный учёт занятий рабочих и служащих во всех отраслях хозяйства с выделением квалификационных групп, и это их большое достижение [Всесоюзная перепись... 2007: 128–140]. Были выделены даже такие категории, как домработницы, составлявшие в то время более полумиллиона человек.

Большую ценность представляла информация о занятиях квалифицированных работников умственного труда. Руководящий персонал (председатели колхозов, руководители предприятий, учреждений и их отделов) составлял 1313 тыс. человек; юридический персонал 46,3 тыс.;

¹ Грамотным считался тот, кто мог читать по слогам и написать свою фамилию.

технический персонал, в его числе агрономы – 79,7 тыс.; инженеры, архитекторы – 249,6 тыс.; научный и культурно-просветительский персонал – 1446 тыс., в его составе почти 1 млн учителей; работники искусства – 159 тыс. человек. Были учтены и другие профессии умственного труда высокой и средней квалификации.

Таблица 2 (Table 2)

Состав населения СССР по социальным группам.
 Всесоюзная перепись населения 1937 г.
*The composition of the USSR's population by social group.
 The Soviet census of 1937*

Социальные группы	%
Рабочие	31,2
<i>В том числе:</i>	
рабочие госпредприятий	29,8
рабочие промкооперации	1,4
Служащие	13,6
<i>В том числе:</i>	
служащие госпредприятий	13,2
служащие промкооперации	0,4
Колхозники-земледельцы	37,1
Колхозники прочие	9,5
Единоличники	4,5
Промколхозники	0,6
Кооперированные кустари	0,5
Некооперированные кустари	0,7
Люди свободных профессий	0,02
Служители культа	0,04
Иждивенцы государства (пенсионеры, воспитанники в детских домах, инвалиды в инвалидных домах)	1,9
Живущие на доходы от сдачи домов, комнат и других помещений, продажи имущества	0,007
Нетрудящиеся элементы	0,004
Прочие, неточно обозначенные и неуказанные	0,33
Всего населения	100

Составлено по источнику: [Жиромская и др. 1996: 75].

Отдельное внимание было уделено учёту лиц, состоящих в рядах НКВД, погранохраны и внутренних войск (так называемого контингента «А»). Его численность составляла 270 тыс. человек. Кроме того, специально учитывались штрафной и вольнонаёмный контингент репрессивного аппарата (контингент «Б»), а также осуждённые и подследственные (контингент «В»). Последние два контингента составляли по переписи 1937 г. без малого 2 млн 390 тыс. человек [Всесоюзная перепись...

2007: 250]. При этом нужно учесть, что пик репрессий ещё не наступил – было только начало 1937 г. Эти секретные данные не предполагалось обнародовать, они проходили под грифом «секретно» с пометкой «не публиковать». По занятиям в местах лишения свободы контингенты «Б» и «В» присоединялись к профессиональным группам гражданского населения и в данном случае специально не выделялись. В рядах РККА было учтено 1 млн 683 тыс. человек [Всесоюзная перепись... 2007: 244]. Таким образом, всего почти 4,5 млн человек выполняли в государстве охранительные функции или были в изоляции.

Выводы

Рассмотрение процессов структуризации советского (российского) общества по материалам исследований, проводившихся в 20–30х гг. XX в., и данным переписей населения того периода, позволяет непредвзято взглянуть на особенности модернизационного процесса, осуществлявшегося до Великой Отечественной войны. Это было время ускоренной индустриализации, нанёсшей сокрушительный удар по социальной ткани традиционного общества и изменившей его структуриацию. В это время критическое отношение и осуждение происходящих преобразований жестоко подавлялись, вплоть до физического уничтожения недовольных. Многие исследователи и профессиональные статистики были в это время подвергнуты репрессиям, другие старались завуалировать нелицеприятные материалы и результаты своего анализа. Тем не менее проводимые исследования показывали реальные изменения в обществе, в том числе преобразование социальной структуры, изменения в социальном положении и культурном уровне населения и отдельных социальных слоёв, демонстрировали реальную численность населения, понёсшего большие потери в результате голода 1930-х гг. и репрессий.

Произошедшие изменения в структуриации общества были вызваны проводившейся по сталинским лекалам модернизацией страны. В этот период небывалыми темпами выросла численность рабочих, были ликвидированы частные предприятия, обобществлена земля, крестьяне из индивидуальных хозяйств были превращены в бесправных членов коллективных хозяйств с небольшими земельными наделами, подверглись репрессиям слои старых и новых интеллигентов. Вместе с тем были подготовлены, зачастую ускоренными темпами, многие тысячи новых специалистов, особенно в области техники, что увеличило в стране долю занятых организационным и специализированным умственным трудом. Значительно вырос слой управленцев.

Вслед за возведением и расширением промышленных объектов ускорились процессы урбанизации страны, сократилась численность сельского населения, которое мигрировало в города на предприятия и стройки, погибло от голода 1930-х гг. Значительно выросла грамотность населения, образовательная и профессиональная подготовка, особенно среди молодёжи. Вместе с тем слой неграмотных (не умеющих

читать и написать свою фамилию) сохранился во всех возрастных группах, не удалось достичь намеченной руководством страны сплошной грамотности населения.

Частично сохранившиеся материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., восстановленные по архивным материалам в 1990-е гг., показывают, что произошедшие изменения в структуризации населения свидетельствуют о начальной стадии индустриализации, достигнутой с принесением многочисленных жертв со стороны всех социальных слоёв.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Ахиезер А. С. 1998. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф. 804 с.

Бейлин А. Е. 1935. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М.: ЦУНХУ Госплана СССР. 420 с.

Беляева Л. А. 2020. Структуризация российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 14–36. URL: <https://www.isras.ru/vestnik.html>

Большаков А. М. 1925. Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., знач. доп. Л.: Прибой. 263 с.

Волков А. Г. 1990. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы: Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть II). М. С. 6–63 // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html (Дата посещения: 28.05.2020).

Волков А. Г. 2014. Избранные демографические труды [Текст]: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. А. Г. Вишневский. М.: НИУ ВШЭ. 567 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 320 с.

Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 528 с.

Данилов В. П. 2011. История крестьянства России в XX веке: Избранные труды в 2-х ч. М.: РОССПЭН, 863 с.

Дедюхова И. А. Структура жилищного фонда и методы управления им в первые годы советской власти // URL: <http://www.deduhova.ru/srvreform/sovmethod.htm> (Дата посещения: 13.05.2020).

Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне. С портретами, биографиями и факсимиле крестьян. Предисловие Л. С. Сосновского. Примечания к письмам. М.: Изд. Грандова, 1924. 104 с.

Динамика крестьянских хозяйств в 1920–1923 гг. Итоги переписи динамических гнезд 1920–1925. М.: Госплан СССР, 1931.

Железнов Ф. 1926. Воронежская деревня. Вып. 1. Большеверейская волость (экономика и быт деревни). Воронеж.

Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. 1996. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / М.: Наука. 152 с.

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. 1996. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В. В. Ильина. М.: Изд-во МГУ. 400 с.

Кабо Е. О. 1928. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М.: Книгоизд-во ВЦСПС. 290 с.

Кондрашин В. В. 2018. Влияние коллективизации на судьбы России в XX веке // Российская история. № 4. С. 3–13.

Ленин В. И. 1971. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 3 М.: Политиздат. С. 501.

Литошенко Л. Н. 2001. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 536 с.

Маркус Б. Л. 1930. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР // История пролетариата СССР. № 2. С. 23–71.

Минц Л. Е. 1926. Командный состав промышленности, транспорта и сельского хозяйства в СССР. С предисл. С. Г. Струмилина. М.: Вопросы труда. 86 с.

Минц Л. Е. 1927. Как живет безработный (бюджеты безработных). С предисл. С. Г. Струмилина. М.: Вопросы труда. 64 с.

Минц Л. Е. 1929. Аграрное перенаселение и рынок труда в России. С предисл. С. Струмилина. М.-Л.: Гос. изд-во. 470 с.

Новикова Л. И., Сиземская И. Н. 2000. Три модели развития России. М.: ИФ РАН. 272 с.

«Первая заповедь»: Хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2016. 784 с.

Прокопович С. Н. 1924. Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин: Кооперативная мысль. 244 с.: табл.

Рашин А. Г. 1930. Металлисты СССР / Под ред. Н. Н. Евреинова. М.: ВЦСПС. 233 с.

Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. 743 с.

Сорокин П. А. 1923. Город и деревня (био-социологическая характеристика) // Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага. IV. С. 3–23.

Сорокин П. А. 1921. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности / Под ред. В. М. Бехтерева. П.: Госиздат. С. 397–419.

Струмилин С. Г. 1925. Бюджет времени рабочих 1923–1924 г. // Плановое хозяйство. № 7. С. 119–150.

Струмилин С. Г. 1964. Избранные произведения в пяти томах. Т. 3. Проблемы экономики труда. М.: Наука. С. 212.

Феноменов М. Я. 1925. Современная деревня. Опыт краеведческого исследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии) Ч. II. Старый и новый быт: социальные навыки. Л.–М.: Гос. изд-во. 212 с.

Хрящева А. И. 1926. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-ое, исп. и доп. М.: ЦСУ Союза ССР. 172 с. с табл.

Цаплин В. В. 1989. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию // Вопросы истории. № 4. С. 175–181.

Чаянов А. В. 1989. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. 492 с.

Шуваев К. М. 1927. От вымирания к возрождению: Повторное исследование бывш. «вымирающих» селений (с. Ново-Животинного и д. Моховатки) Воронежской губернии и уезда / Под ред. И. А. Теодоровича. М.: Новая деревня (Л.: тип. Печатный двор). 382 с.

Шульц Э. Э. 2015. Русская революция и проблема модернизации // Вестник РУДН. Серия: История России. № 3. С. 12–13.

Статья получена 17.07.20

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time)¹

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy RAS

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time) *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

¹ The first part of *Structuration of Russian Society in XIX – Early XIX Century (adapted from materials of domestic research)* has been published in the Herald of Philosophy Institute, Russian Academy of Sciences, No.2 for 2020. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Abstract. This article is an extension of a series of works dedicated to the shaping of Russian society's structure. The author's reasoning is based on the assumption that, when evaluating changes in the structuration of Russian society over a long period of time – from the mid-1800's and until today, which is the focus of the series of articles we mentioned – one should bear in mind that the most radical and, in many respects, catastrophic shifts occurred as a result of two groundbreaking events – the Bolshevik coup of 1917 and the collapse of the Soviet Union with the consequent transition to a market economy, which took place during the 1990's. Both of these occurrences disrupted the evolutionary development of Russian society, and caused social shifts which cannot be definitively assessed, with them having radically changed society's structuration. Influenced by these events, the country's social composition underwent some fundamental changes, as did the people's life-worlds, relationships between different social groups and layers of the population, and finally interactions with the new elites that sprouted from these social crises. In this article, which deals with processes that took place during the 1920's and 1930's, the author once again relies on the methodology of A. Giddens', who suggested using the theory of structuration to analyze social relationships in space and time. Structuration processes are examined through the lens of studies conducted during that period, in the heat of the moment, so to speak. Even when taking into account the political restrictions of the time, you can still trace how exactly contemporary scientific studies and statistical research reflected those social processes, including the structuration of society. This article utilizes the works of P. Sorokin, A. Rashin, L. Minz, A. Khryasheva and S. Prokopovich, among other researchers, as well as materials from the 1897, 1926 and 1937 population censuses. The article is limited to the period from the beginning of the century and up until the 1920's and 1930's, and consequently the studies that were conducted during that period.

Keywords: sociology, structuration, social and professional structure, 1926 and 1939 censuses, working class, peasantry

References

“The first commandment”: Grain procurement in the USSR. 1931–1932. Ed. by V.V. Kondrashin. Moscow, MFD, 2016: 784 (In Russ.).

Ahiezer A.S. Russia: a criticism of historical experience. Sociocultural dynamics of Russia. Novosibirsk, Sibirsky Khronograf, 1998: 804 (In Russ.).

Aksenova O.V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow: IS RAS publ., 2016: 304 (In Russ.).

All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of documents and materials. Compiled by V.B. Zhiromskaja, Y.A. Poliakov. Moscow, ROSSPEN, 2007: 320 (In Russ.).

Beylin A.E. Personnel of specialists of the USSR. Their formation and growth. Moscow, CUNHU of Gosplan USSR, 1935: 420 (In Russ.).

Bol'shakov A.M. Soviet village (1917–1925): economy and everyday life. Leningrad, Priboy, 1925: 263 (In Russ.).

Caplin V.V. Statistics of victims of Stalinism in the 30th. Letter to the editor. Voprosy Istorii = Issues of History, 1989: 4: 175 – 181 (In Russ.).

Chajanov A.V. Peasant economy. Selected Works. Moscow, Ekonomika, 1989: 492 (In Russ.).

Contemporary peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century. Moscow, ROSSPEN, 2015: 743 (In Russ.).

Danilov V.P. History of the Russian peasantry in the XX century. Selected Works in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011: 831 (In Russ.).

Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Moscow, Akademicheskyy project, 2005: 528 (In Russ.).

Il'in V.V., Panarin A.S., Ahiezer A.S. Theoretical Political Science: Reforms and Counterreforms in Russia. Cycles of the modernization process. Ed. by V.V. Il'in. Moscow, MSU publ., 1996: 400 (In Russ.).

Kabo E.O. Sketches of the working life: The experience of a monographic study of the domestic working life. Vol. 1. Moscow, VCSPPS publ., 1928: 290 (In Russ.).

Khriaschiova A.I. Groups and classes in the peasantry. Moscow, CSU of USSR, 1926: 172 (In Russ.).

Kondrashin V.V. Impact of collectivization on the fate of Russia in the XX century. Rossiyskaja istorija = Russian History, 2018: 4: 3 – 13 (In Russ.).

Lenin (Ulianov) V.I. Development of capitalism in Russia. Full Coll. of Works. Vol. 3, Moscow, Politizdat, 1971: 501 (In Russ.).

Litoshenko L.N. Socialization of land in Russia. Novosibirsk, Sibirsky Khronograf, 2001: 536 (In Russ.).

Markus B.L. On the question of the methods of studying the social composition of the proletariat in the USSR. *Istorija proletariata SSSR = History of the Proletariat of USSR*, 1930: 2: 23–71 (In Russ.).

Mints L.E. Rural overpopulation and the labor market in Russia. Moscow – Leningrad, State publ., 1929: 470 (In Russ.).

Mints L.E. How the unemployed lives (budgets of the unemployed). Moscow, *Voprosy truda*, 1927: 64 (In Russ.).

Mints L.E. Command personnel of industry, transport and agriculture in the USSR. Moscow, *Voprosy truda*, 1926: 86 (In Russ.).

Novikova L.I., Sizemskaja I.N. Three Models of Russia's Development. Moscow, IPh RAS publ., 2000: 272 (In Russ.).

Phenomenov M.J. Modern village. The experience of local lore research of one village (the village of Gadyshi, Valdai district, Novgorod province). Part II. Old and new life: social skills. Leningrad – Moscow, State publ., 1925: 212 (In Russ.).

Prokopovich S.N. Farming: Based on budgetary surveys and dynamic censuses. Berlin, *Kooperativnaja mysl'*, 1924: 244 (In Russ.).

Rashin A.G. Metalworkers of the USSR. Moscow, VCSPS publ., 1930: 233 (In Russ.).

Shults E.E. Russian revolution and the problem of modernization. *Vestnik RUDN. Serija Istorija Rossii = RUPF Bulletin. Series History of Russia*, 2015: 3: 12–13 (In Russ.).

Shuvaev K.M. Extinction and revival of the village (S. Zhivotinnoe and the village of Mokhovatka of the Voronezh District of the Central Black Earth Region). Moscow, State publ., 1929: 125 (In Russ.).

Sorokin P.A. The influence of the profession on human behavior and the reflexology of professional groups. In: *Issues of studying and educating personality*. Ed. by V.M. Bekhterev. Petrograd, Gosizdat, 1921: 397–419 (In Russ.).

Sorokin P.A. City and village (bio-sociological characteristics). In: *Rural Russia*. Vol. IV. Prague, 1923: 3–23 (In Russ.).

Strumilin S.G. Problems of labor economics. In: *Selected works in 5 vols*. Vol. 3. Moscow, Nauka, 1964: 212 (In Russ.).

Strumilin S.G. Workers' time budget 1923 – 1924. *Planovoe hoziaystvo = Planned Economy*, 1925: 7: 119–150 (In Russ.).

The dynamics of peasant farms in 1920–1925 Results of the dynamic nest census. 1920–1925. Moscow, Gosplan USSR, 1931 (In Russ.).

Village under the NEP. Someone is considered a fist, someone is a worker. Moscow, Grandov's publ., 1924: 104 (In Russ.).

Volkov A.G. Selected Works on Demography. Moscow, NRU HSE publ., 2014: 567 (In Russ.).

Volkov A.G. Population census of the USSR in 1937. History and materials. In: *Serija "Istorija statistiki" = Series "History of Statistics"*. Release 3–5. Vol. II. Moscow, 1990: 6–63 (In Russ.).

Zheleznov F. Voronezh village. Issue 1. Bolshevereiskaya volost (economy and everyday life of the village). Voronezh, 1926 (In Russ.).

Zhiromskaja V.B., Kiselev I.N., Poliakov Y.A. Half a century under the heading "secret": All-Union population census of 1937. Moscow, Nauka, 1996: 152 (In Russ.).

The article was submitted on: July 17.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia